

Н.А. Мишанкина, О.А. Черныш

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОТОКОЛА: ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОТОКОЛОВ 1917 И 1918–1933 гг. ГОСАРХИВА ТОМСКОЙ ОБЛАСТИ)

Исследуется грамматическая организация текстов деловых протоколов двух периодов: 1917 и 1918–1933 гг. Цель – выявить «прерывность» грамматической организации протокола, обусловленную изменением социальной реальности. Основным методом исследования – контент-анализ. В результате определены параметры трансформации грамматической организации протоколов: переход от повествовательности к описательности, снижение значимости личностного начала, нивелирование модусных смыслов.

Ключевые слова: документный дискурс; протокол; дискурсивные параметры; «прерывность»; контент-анализ; грамматическая организация; Томская губерния.

Постановка проблемы исследования

Мишель Фуко, размышляя о природе дискурсивных формаций, предполагает, что таковая представляет собой поле рассеянных дискурсивных событий, соответствующих некоторому числу высказываний. Границу между дискурсивными формациями он пытается определить, отталкиваясь от понятия «прерывность» таких событий. Система рассеянных событий, создающая дискурсивную формацию, определяется, в том числе, материальной близостью высказываний-репрезентантов: «В том случае, когда для некоторого числа высказываний мы могли бы описать подобную систему рассеивания, в том случае, когда между объектами, типами высказываний, понятиями и тематическими выборами мы могли бы определить закономерность (regularité) (порядок, корреляции, позиции и действия, преобразования), мы условимся говорить, что имеем дело с *дискурсивной формацией*...» [1. С. 93]. При этом «то, что мы описываем как “системы формирования”, не образует завершающего уровня дискурсов, если под этим выражением понимать тексты (или устную речь) в том виде, в каком они воплощаются в своей лексике, синтаксисе, логических структурах или в своей риторической организации» [1. С. 156]. Таким образом, французский философ рассматривает стабильность дискурсивного единства как постоянство функции высказываний, изменение же материальности высказывания, собственно языкового его воплощения свидетельствует о смене дискурсивной формации. «Можно сказать, что выделение дискурсивных формаций независимо от других принципов возможной унификации выявляет специфический уровень высказывания. Однако можно также сказать, что описание высказываний и способа организации уровня высказывания ведет к индивидуализации дискурсивных формаций. Оба подхода в равной степени правомерны и взаимозаменяемы. Анализ высказывания и анализ формирования приведены здесь в соответствие» [1. С. 226]. Продуктивность этой идеи хорошо проиллюстрирована работами ученых Французской школы анализа дискурса [2].

Как представляется, не менее продуктивной она может оказаться для изучения документного дискурса: на протяжении достаточно длительного времени

эта система текстов сохраняет единство, связанное с реализацией базовой функции – оформлением процессов управления в социуме. И в то же время она трансформируется в материальном воплощении, в аспекте языковой организации. Функциональная целостность этого дискурсивного единства отражается уже во внутренней форме термина «документ»: из лат. documentum: docēre «доказывать» [3]. Этим термином номинировались письменные свидетельства, так как именно зафиксированная на материальном носителе информация выступала во все времена в качестве доказательства. В настоящее время система документных текстов, как целостное дискурсивное единство, обслуживает самые разнообразные формы официальной коммуникации, от межличностной до массовой. Документный текст фиксирует практически все социальные процессы и события и, соответственно, выполняет функцию социального регулирования [4]. В рамках этого единства могут быть выделены дискурсивные формации по функциональному, локальному, или хронологическому принципу.

В то же время область документных текстов не слишком часто попадает в фокус внимания лингвистов. Основные направления, изучающие этот вид текстов, рассматривают их, прежде всего, с позиции функциональной организации как части системы, обеспечивающей процессы государственного и делового регулирования. Лингвистическая специфика документа исследуется в рамках документной лингвистики (Е.Б. Богатова, М.В. Косова, С.П. Кушнерук и др.) и функциональной стилистики, в рамках которой было осуществлено описание их специфики как целостной системы – официально-делового стиля (И.С. Вольская, Т.В. Губаева, М.Н. Кожина, И.Р. Подзолкова, О.П. Сологуб и др.). В настоящее время определены базовые свойства современного документного текста: 1) унифицированность; 2) фактографичность; 3) объективность и нейтральность [5]. Однако до сих пор не принята единая научная классификация видов документов, что свидетельствует, по нашему мнению, о динамичности и неоднозначности этого дискурсивного единства.

Вместе с тем взгляд на документ как на процесс и результат коммуникативных взаимодействий, на дискурсивное единство, существующее в виде си-

стемы дискурсивных формаций, обуславливает подход, заданный в работах [1, 2] и реализуемый в исследованиях последних лет. Коммуникативно-прагматический и дискурсивный анализ позволяет по-новому отрефлексировать отражение в документных массивах социальных, культурных, исторических процессов, актуализирует их потенциал в аспекте изучения дискурсивных формаций. В работах Н.В. Орловой [6–8] рассматривается трансформация языкового воплощения документов сферы образования с точки зрения коммуникативных процессов, протекающих в этой области.

Данные источников позволяют констатировать, что документный дискурс представляет собой одно из значимых дискурсивных единств, регулярно реализующихся в документных текстах различного рода. Однако некоторые виды документов еще практически не попадали в фокус исследования. Например, почти единичны работы, посвященные жанру протокола, несмотря на то что именно он выполняет функцию фиксации хода реальных социальных событий и документального их подтверждения [9–12]. Статья Л.П. Батыревой, посвященная языковой специфике протокола собрания 1929 г. граждан с. Студенцы, показывает, что язык протокола неоднороден, он представляет собой смешение стилистических пластов, что отражает в первую очередь социальные процессы [9]. Эту проницаемость, уязвимость языкового воплощения официально-делового документа в периоды социальных катаклизмов, его зависимость от общественного и политического строя отмечает В.К. Харченко в более ранней работе [10. С. 131].

Первая треть XX в. в России является эпохой глобальных изменений в жизни общества, так как за относительно краткий промежуток времени происходит большое количество исторически важных событий, которые коренным образом изменяют русское общество. И если публицистические и художественные тексты этого периода ранее уже выступали объектом исследования [13–15], то корпус документов практически не изучен в этом аспекте. Именно поэтому особый интерес представляет их отражение в документных текстах, в частности в текстах протоколов общественных организаций, устанавливающих новый социальный порядок. Полагаем, что изложенное выше убедительно показывает необходимость изучения документного дискурса в аспекте «прерывности» дискурсивных формаций, отражающих динамику социальной реальности. Документная специфика протокола состоит в том, что этот текст фиксирует ход социальных и исторических процессов в их реальном воплощении и именно по этой причине является их подтверждением [16. С. 60]. Протоколы создаются любой организацией, каким бы статусом, официальным или общественным, она не обладала. Он относится к ряду организационно-распорядительных документов, имеет четкую структуру и специфичную лексико-грамматическую организацию [17]. Исследователи, обращаясь, как правило, к специфике лексического состава текстов этого периода, оставляя «за кадром» грамматический аспект, чрезвычайно важный, с нашей точки зрения, для «порядка» документного

дискурса. Ранее мы обращались к особенностям лексической организации протокола в дискурсивном аспекте [12], цель настоящей работы – выявить количественные характеристики грамматической организации текста протокола в аспекте «прерывности» дискурсивного единства, обусловленной, возможно, сменной социальной реальностью в период 1917–1933 гг. Продуктивность такого подхода наглядно продемонстрировал П. Серио в работе, посвященной исследованию некоторых параметров грамматической организации советского политического дискурса [18]. При этом мы отдаем себе отчет в том, что в фокус исследования в данном случае попадает лишь один, очень узкий аспект, но и он, как представляется, дает возможность проследить некоторые тенденции, связанные со становлением дискурсивных норм.

Методология и методы исследования

В качестве ведущего методологического подхода в работе принимается анализ дискурса, представленный в работах исследователей Французской школы, в частности, в определении предмета анализа: «тексты в полном смысле этого термина: произведенные в институционных рамках, которые накладывают сильные ограничения на акты высказывания; наделенные исторической, социальной, интеллектуальной направленностью» [2. С. 27]. Избранный нами в качестве предмета анализа материал полностью соответствует этим требованиям – это два корпуса документов (протоколов): 1) корпус протоколов заседаний 1-й сессии Томского губернского народного собрания 1917 г. объемом 25 документов, 91 686 словоупотреблений, 350 страниц [19]; 2) протоколы заседаний различных учреждений Томска (Губисполком, Совет рабочих и солдатских депутатов, Губревком и т.п.) за период с 1918 по 1933 г. объемом 126 документов, 41 630 словоупотреблений, 137 страниц [20]. Неравномерность корпусов в аспекте объема и количества документов обусловлена степенью доступности текстов разных периодов, так как далеко не все они были опубликованы. Однако неравномерность корпусов не снижает степени достоверности результатов, поскольку, во-первых, тексты, объединенные в корпусы, относятся к разным социально-историческим периодам и, во-вторых, разные объемы корпусов компенсируются использованием при анализе показателя относительной частотности, учитывающего процентное соотношение частотности анализируемых категорий и общего количества словоформ корпуса.

В качестве основного метода был применен автоматизированный контент-анализ, позволивший выявить количественные параметры грамматической организации документов в аспекте соответствия нормам официально-делового стиля. Эффективность применения этого метода (в том числе автоматизированного) показана в работах уже упомянутых исследователей Французской школы анализа дискурса [2], более поздних работах зарубежных и российских ученых [12, 21–24].

На первом этапе оба массива документных текстов были переведены в электронный текст формата txt и

обработаны программой количественного анализа Content Pro (программа распространяется свободно в интернете [25]), были получены значения частотности для каждой лексемы. Далее результаты скорректировали в случае неудовлетворительного грамматического / орфографического оформления. Были созданы более крупные категории, соответствующие некоторым грамматическим классам для общей количественной оценки их соотношения с общим объемом массива. В итоге были сформированы частотные профили категорий и подкатегорий для каждого корпуса, что позволило оценить динамику грамматической организации документов разных лет. Итоговые данные проинтерпретированы, осуществлен сопоставительный анализ результатов.

Результаты анализа

Источники, в которых рассматривается стилистическая специфика официально-деловой речи [26–28], отмечают, что тенденция к унификации делового документа на русском языке возникает практически с его появлением, а в XIX в. было принято «Общее учреждение министерств» (1811 г.), закрепившее процесс унификации деловых бумаг. В это время разрабатываются шаблоны и оформляются основные черты стиля: строгая формально-логическая организация, обезличенность, номинативный характер речи, морфологическое единообразие. В XX в. процесс усиливается: уже в 20-е гг. начинают формироваться стандарты оформления деловых документов, используемые по сей день. Современному официально-деловому стилю свойственны следующие грамматические особенности:

1. Номинативный (именной) характер речи, при котором состав глаголов в тексте незначителен и разнообразен. Основные грамматические формы глагола – это инфинитив либо другие безличные.
2. Значительное количество предлогов, обусловленное номинативным характером речи, при этом предлоги по преимуществу производные.
3. Неличный характер взаимодействия и, соответственно, слабая выраженность в тексте категории лица, вне зависимости от грамматического маркера (глагол или местоимение).
4. Наличие модальности долженствования, выраженной соответствующими предикатными структурами.
5. Синтаксическая организация текстов официально-делового стиля характеризуется преобладанием сложноподчиненных предложений, позволяющих эксплицировать логические связи. При этом доминируют конструкции условного и целевого типа.
6. В силу эксплицитной коммуникативной организации в официально-деловом стиле мало используются частицы, тем более частицы с модальным и коммуникативным значением.

На основе этих параметров на предварительном этапе контент-анализа были определены категории и подкатегории, представленные соответствующими единицами. Как уже упоминалось выше, автоматизи-

рованный контент-анализ имеет существенные ограничения, поэтому ключевым принципом стало определение частеречной распределенности единиц. Список исследуемых категорий отражен в табл. 1, подкатегории будут рассмотрены далее. Корпусы исследуемых документов в тексте обозначены как «Корпус 1917» и «Корпус 1918-33».

Таблица 1

Распределение грамматических форм в исследуемых корпусах

Категория	Корпус 1917, % к общему количеству словоформ	Корпус 1918–33, % к общему количеству словоформ
Глагол	11,39	10,69
Предлог	11,44	13,04
Местоимение	5,56	4,95
Предикат долженствования	0,48	0,22
Союз	8,3	7,64
Частица	2,65	1,89

Итак, как можно убедиться, в исследуемых корпусах единицы грамматических классов распределены неравно, в некоторых случаях разница достигает 2%. В Корпусе 1917 глагольных словоформ почти на 1% больше, чем в Корпусе 1918-33. В то же время количество предлогов во втором корпусе выше, что, вероятно, может быть объяснено усилением номинативности текстов. Рассмотрим далее состав каждой из исследуемых категорий.

Употребление форм глагола

Глагол представлен в текстах различными грамматическими формами и при общем подсчете учитывались все. Но в связи с тем, что особую значимость для официально-делового стандарта имеет категория безличности, мы проанализировали стандартные морфологические способы выражения этой категории. В Русской корпусной грамматике способы выражения данной категории характеризуются следующим образом: «Безличные конструкции – глагольные конструкции или конструкции с предикативом, при которых в предложении отсутствует позиция для канонического подлежащего. Глагол в безличной конструкции выступает в одной из следующих форм: 3 л. ед. ч. настоящего или будущего времени (*светает, рассветет*); ср. р. прошедшего времени (*светало*); инфинитив (*светать*); причастие (*было накурено*)» [29]. В связи со стилистической и тематической спецификой текстов безличные глаголы в них отсутствуют. Соответственно, для личных глаголов безличными формами будут инфинитивная и форма страдательного причастия. Именно они и учитывались нами в подкатегории «безличные формы». Кроме того, была рассмотрена количественная представленность личных форм глаголов (1-, 2- и 3-е лицо ед. и мн. числа) в настоящем и будущем времени. Формы прошедшего времени не были включены в рассмотрение, как не отражающие категорию лица. Распределение личных и безличных форм представлено на рис. 1.

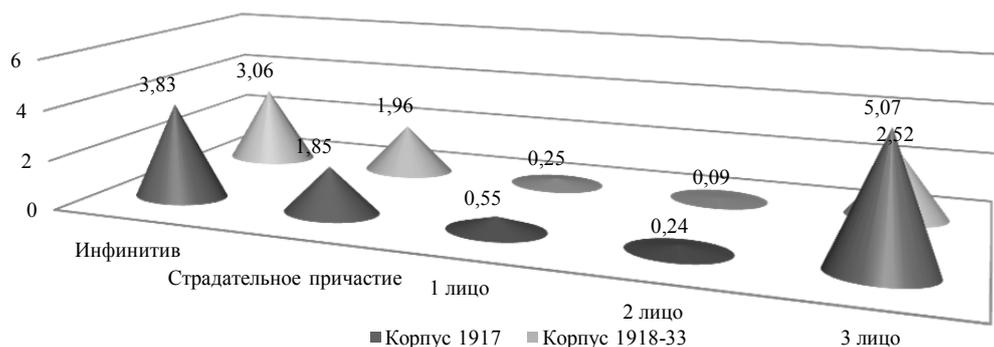

Рис. 1. Распределение личных и безличных форм глаголов в исследуемых корпусах

Несмотря на то что в обоих корпусах представлены как безличные, так и личные формы, в Корпусе 1917 больше собственно глагольных форм и чаще представлены формы глаголов 3-го лица. Для этого корпуса характерна иная пропорция соотношения безличных и личных форм. Данные представлены в табл. 2.

Таблица 2

Соотношение безличных и личных форм глаголов

Подкатегория	Корпус 1917, %	Корпус 1918-33, %
Безличные формы	5,68	5,02
Личные формы	5,86	2,86

Анализ показывает, что в обоих корпусах встречаются личные формы, но в Корпусе 1918-33 их количество уменьшается практически в 2 раза. При этом в нем увеличивается количество страдательных причастий. Полагаем, что такая тенденция к увеличению безличных форм свидетельствует о большем соответствии современному стандарту.

Предлоги

Обращение к количественному составу предлогов, функционирующих в исследуемых корпусах,

позволило выявить распределение, представленное на рис. 2.

Очевидно, что наиболее частотным в обоих корпусах является предлог *в / во*, что соответствует общей тенденции – именно этот предлог является наиболее частотным практически для всех текстов на русском языке. Уже в работе В.В. Виноградова читаем: «По отношению к русскому языку предварительные статистические подсчеты показывают, что в тексте (разнообразно подобранных отрывков книжного и разговорного языка) из 54 000 слов (54 338 слов) чаще всего встречаются предлоги: *в* (1 881 раз), *на* (770 раз), *с* (578 раз), *к* (267 раз), *за* (259 раз), *для* (236 раз), *из* (202 раза), *от* (174 раза), *до* (108 раз), *при* (80 раз). Н.А. Морозов в статье “Лингвистические спектры” также пришел к выводу, что в русском языке из предлогов чаще всего употребляются *в, на, с*» [30]. Сложные предлоги, характерные для официально-делового стиля, равно малочастотны для обоих корпусов. В Корпусе 1917 количественно доминируют предлоги *до, к, на, над, от, без* и *для*. В Корпусе 1918-33 более частотны *в, за, из, под, у, об, по, при, с*. Предлоги *ввиду, через, вне* представлены только в Корпусе 1917, а в Корпусе 1918-33 предлоги *из-за* и *кроме*. В целом можно говорить об очевидном преобладании в обоих корпусах исконных предлогов.

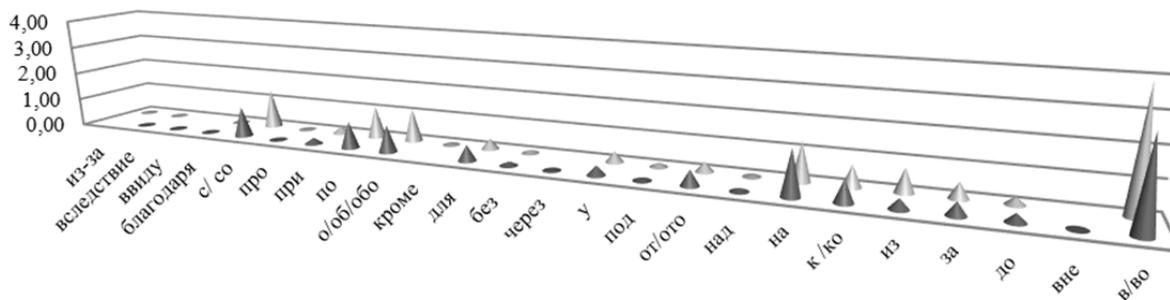

Рис. 2. Распределение предлогов в исследуемых корпусах

Формы и разряды местоимений

Таблица 3

Распределение местоимений в исследуемых корпусах

Подкатегория	Корпус 1917, %	Корпус 1918-33, %
Личное местоимение	2,48	2,46
Указательное местоимение	1,91	1,54
Определительное местоимение	0,96	0,75
Отрицательное местоимение	0,13	0,07
Возвратное местоимение	0,08	0,13
Общее количество	5,56	4,95

Количественное распределение местоимений коррелирует с распределением глаголов: в первом корпусе их общее количество больше, чем во втором. Если посмотреть на то, какие разряды местоимений функционируют в исследуемых текстах, то можно увидеть картину, представленную в табл. 3.

В наибольшей степени представлены личные местоимения, они составляют почти 2,5% в обоих корпусах. Несколько реже задействованы указательные местоимения. Самые редкие – возвратные, при этом только местоимения этого разряда преобладают во втором корпусе. Результаты количественного анализа личных местоимений отражены на рис. 3.

Итак, местоимения первого и второго лица менее частотны, нежели третьего. Подобное распределение коррелирует с реализацией категории лица в глагольных (рис. 4 и 5).

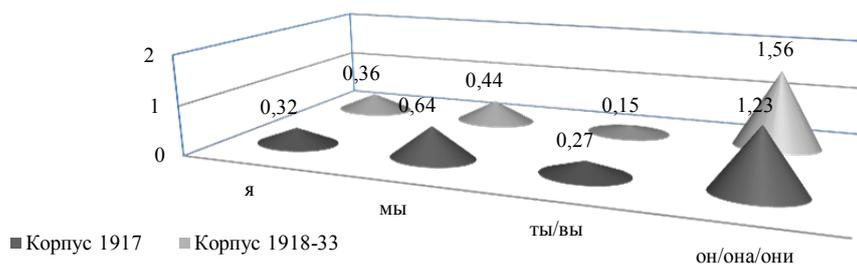

Рис. 3. Количественное распределение личных местоимений

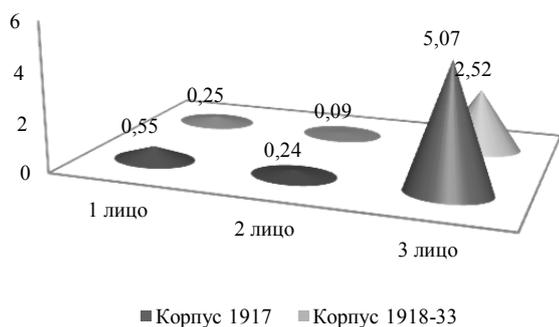

Рис. 4. Распределение личных форм глагола

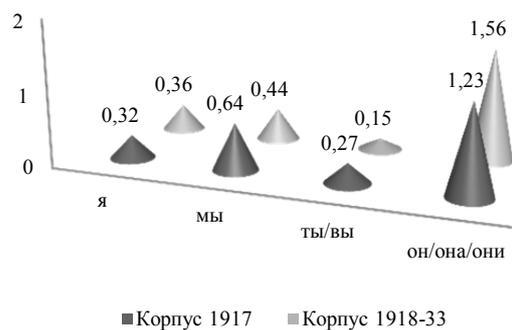

Рис. 5. Распределение личных местоимений

Полагаем, что значительная представленность именно семантики 3-го лица связана, в первую очередь, с документной спецификой протокола. Как уже говорилось ранее, протокол – это документ, фиксирующий обсуждение социально значимых событий и установление некоторого социального порядка, что отражается, с одной стороны, в повествовательной структуре текста. И как показывает количественное распределение словоформ, реализующих категорию лица, главным для данного документа является обсуждение некоторого социального (политического) контекста. С другой стороны, исследуемые тексты протоколов отражают коммуникативную ситуацию, в ходе которой происходит обсуждение и которая, как правило, организована как полилог, где один из участников – председатель – занимает позицию организатора. При этом организатор, как правило, идентифицирует себя с некоторой социальной структурой, используя форму местоимения первого лица множественного числа.

Следующая по частотности группа – указательные местоимения, выделяющие предмет речи из некоторо-

го множества однородных объектов [31]. Количественное распределение функционирующих в корпусах единиц подобного типа представлено на рис. 6.

Наиболее частотные указательные местоимения в обоих корпусах – местоимения, «противопоставленные по близости – отдаленности говорящего» [31]: *этот* и *тот*. Причем общее количество местоимений этого типа выше в Корпусе 1917, и при этом доминирует коррелят, указывающий на близкое расположение к говорящему. В Корпусе 1918-33 более частотен коррелят, указывающий на отдаленное местонахождение. В отношении местоимений, маркирующих пространство, можно отметить, что общее количество их невелико, при этом доминирует лексема *там*, указывающая на отдаленное пространство. Местоимения, указывающие на качества объекта, представлены не только современным *такой*, но и устаревшей формой *таков*, хотя и не столь часто встречающейся. В Корпусе 1918-33 также представлен устаревший вариант указательного местоимения *сей*.

Определительные местоимения не отличаются семантической целостностью, исследователи отмечают их разнородность. Из описанных в литературе [32] семантических типов местоимений данного разряда со значением всеобщности (указывающие на множество: *весь, всегда, всяческий*; на произ-

вольный объект множества: *всякий, любой, каждый*); усилительно-выделительным значением (*самый, сам*); со значением «принадлежащий другому множеству» (*другой, иной*)) в исследуемых корпусах представлены все. Ниже, на рис. 7 можно увидеть их количественное распределение.

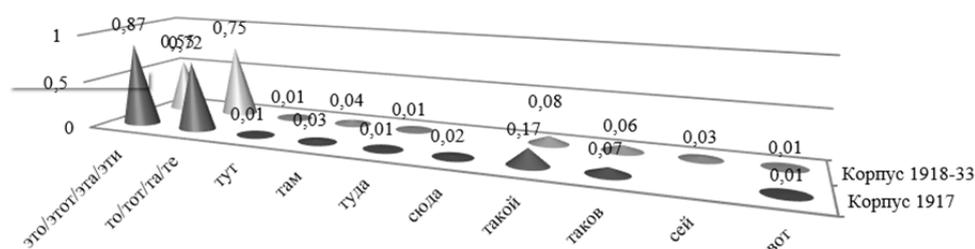

Рис. 6. Указательные местоимения

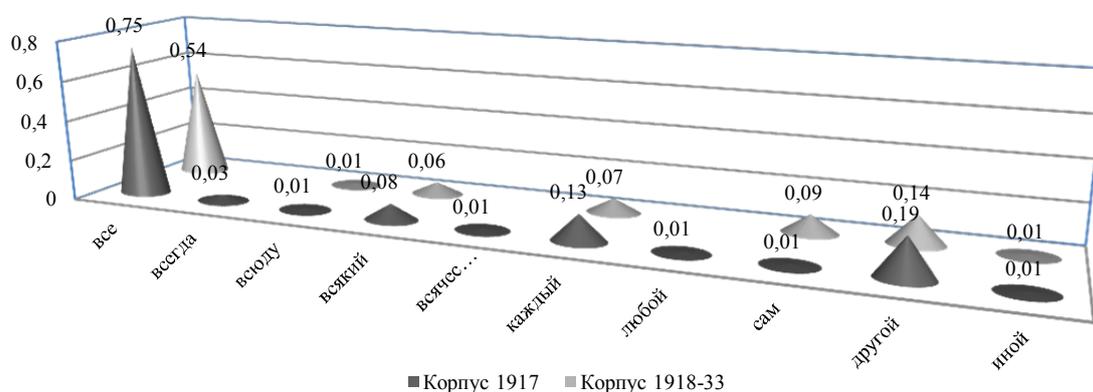

Рис. 7. Определительные местоимения

Как можно видеть, наиболее частотны местоимения первой подгруппы, указывающие на множество объектов: *все*. Из второй подгруппы чаще всего употребляется *каждый*, а из третьей – *другой*. Только в первом корпусе отмечаются местоимения *всегда, всяческий, любой*. В Русской корпусной грамматике дается следующая интерпретация этой группы единиц: «Употребление местоимений типа *все* указывает, что выделяемое подмножество, обладающее неким признаком, совпадает со всем множеством» [31]. Это позволяет определять их как кванторы всеобщности, тесно связанные с категорией категоричности [32. С. 25]. В работах Т.И. Красновой и К.С. Якушкиной рассматривается очевидный прагматический эффект использования единиц этого типа, а именно включенность имплицитной оценочной семантики [33. С. 69], создание смысловой неопределенности и за счет этого маскировка индивидуальной точки зрения под общее мнение [34. С. 178]. Данный аспект в рамках современной официально-деловой коммуникации, как правило, нивелируется, и, соответственно, мы можем опять же сделать вывод о меньшей степени соответствия стандарту стиля текстов Корпуса 1917. В целом можно говорить о большем разнообразии и частотности в Корпусе 1917 определяющих местоимений всех групп, кроме местоимения *сам*, частотность которого во втором корпусе выше в девять раз. Местоимение *сам* служит дополнительным уточнением в отношении лица, производящего действие, и относит-

ся к усилительно-выделительным единицам со значением, противоположным описанному выше [31]. Таким образом, можно говорить, что на уровне местоименной семантики Корпус 1917 отличается от Корпуса 1918-33 большей степенью неопределенности. Кроме того, полагаем, что уменьшение количества местоимений в Корпусе 1918-33 отвечает тенденции, связанной с унификацией и возрастанием степени обезличенности официально-делового текста.

Употребление предикатов долженствования

В рамках данного раздела мы объединили собственно маркер долженствования (*должен*) и маркер необходимости, который, как правило, в исследуемых текстах используется в той же функции – «необходимость участнику совершить какое-либо действие или участвовать в ситуации» [35]. Например, Корпус 1917: *Кто хлеб запас, тому спасибо сказать надо; Высоцкий говорит, что так как военная Комиссия еще не собиралась и не работала, пункт этот обсудить надо сейчас; Вы должны создать такую власть, какой не было никогда.*

Корпус 1918-33: *А как в 1919 году было лето и очень ненастное, то таковые овощи, которые были засыпаны в ямы, надо сохранить на семена, и они погнили, так что в нынешнем году будет не хватать семян для самих себя, в чем собственноручно и подписуемся...; С такими настроениями надо бороться;*

ПРИМЕЧАНИЕ: Арестованные в административном порядке **должны** быть привлечены к выполнению принудительных работ по обслуживанию волостных и сельских учреждений.

В работах, посвященных предикатам долженствования, указанные единицы также включаются в поле долженствования: «Ядро предикатов долженствования: *должен, обязан, следует, надо, нужно, необходимо*» [36. С. 169], «...к модальным компонентам со значением долженствования относятся следующие: краткие прилагательные и причастия *должен, вынужден, присужден, осужден, обязан, нужен, необходим*; предикативы *нужно, надо, нельзя, пора, время,*

необходимо, след, не след; существительные *долг, обязанность* (в сочетании с атрибутивными компонентами); глаголы *следует, стоит, предстоит, полагается, надлежит, не мешает, приходится / придется*; некоторые устойчивые сочетания типа *считать долгом, считать обязанностью*. Содержащие в своем значении сему «долженствование» [37. С. 9–10]. Однако исследуемые тексты содержат далеко не весь обозначенный перечень. Наиболее частотны в них ядерные предикаты. На рис. 8 представлено количественное распределение исследуемых форм. Для сравнения приводится частотность предиката возможности *можно*.

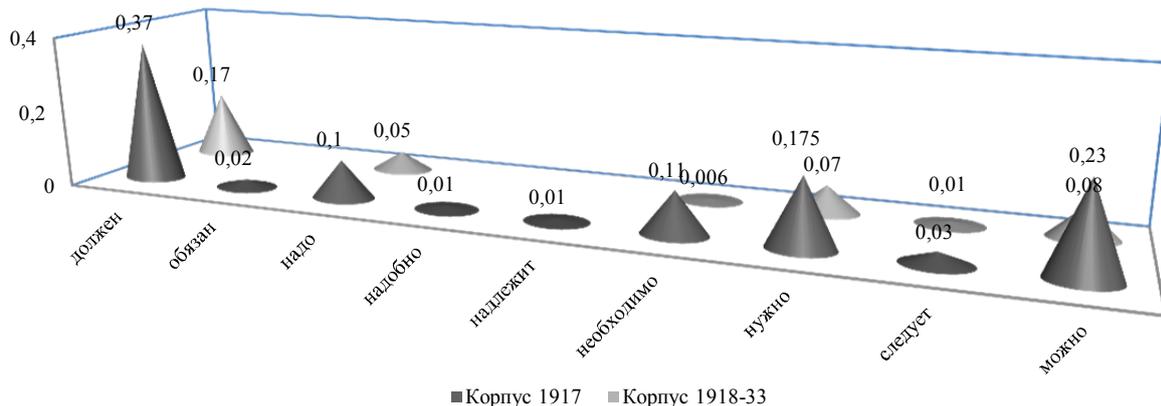

Рис. 8. Распределение предикатов долженствования

Данные показывают, что семантика долженствования более чем вдвое чаще выражена в текстах первого корпуса и предикаты здесь более разнообразны. Наиболее последовательно выражается в обоих корпусах предикат *должен*, так как он является «доминантой поля долженствования» [37. С. 21]. Следующий за ним по частотности – *нужно*. Необходимо отметить также, что более частотно задействован в текстах первого корпуса маркер возможности, поэтому в целом можно говорить о значительно более выраженной модальности в этих текстах. Вероятно, такая ситуация обусловлена не столько типом оформления документов, сколько проблематикой обсуждаемых вопросов и задач. Перед участниками заседаний Томского губернского народного собрания стояли задачи формирования нового социального порядка, но при этом оставались острые проблемы, приведшие к падению монархического строя.

Маркеры синтаксической сложности

Характерной чертой официально-деловых документов считается преобладание сложных синтаксических конструкций, по преимуществу, сложных предложений. Автоматизированный контент-анализ в этом случае обладает ограничением на выявление таких структур, так как он направлен на количественный анализ словоформ.

Однако и этот параметр может быть частично выявлен за счет исследования синтаксических маркеров – союзов, оформляющих сложные предложения. Количественный состав этих синтаксических маркеров представлен в табл. 4. Уточним при этом, что данный метод позволил выявить только непроемкие про-стые союзы, представляющие собой одну словоформу.

Таблица 4

Количественное распределение союзов в исследуемых корпусах

Синтаксический маркер	Корпус 1917, %	Корпус 1918-33, %
Сочинительный союз	4,70	4,50
Подчинительный союз	3,60	3,14
Общее количество	8,3	7,64

Как можно убедиться, количественное преобладание синтаксических маркеров в Корпусе 1917 очевидно. Их употребление в этом корпусе выше на 0,66%. В отличие от современных официально-деловых текстов, в которых отмечается преобладание сложноподчиненных конструкций условного и целевого типа, в обоих корпусах доминируют сочинительные конструкции. В целом, судя по данным, представленным на сайте Русской корпусной грамматики, эта тенденция свойственна русскому языку в целом. Ср.: «сочинительные союзы (% от всех слов) – 4,62%, подчинительные союзы (% от всех слов) – 2,99%, всего – 7,61%» [38]. Рассмотрим состав и количественное распределение союзов в подкатегориях. Данные о сочинительных союзах представлены на рис. 9.

Итак, можно убедиться, что наиболее частотным является союз *и*. Это в работе В.В. Виноградова также отмечается как общая тенденция, характерная для русскоязычных текстов: «Из союзов выделяются по частоте употребления и (1 963 раза в тексте из 54 000 слов) и а (740 раз)» [30]. В целом количество и качество сочинительных союзов в исследуемых корпусах почти равно. В этой подкатегории не наблюдается значительных различий. Чего нельзя сказать о другой подкатегории – подчинительных союзах. Данные о них представлены на рис. 10.

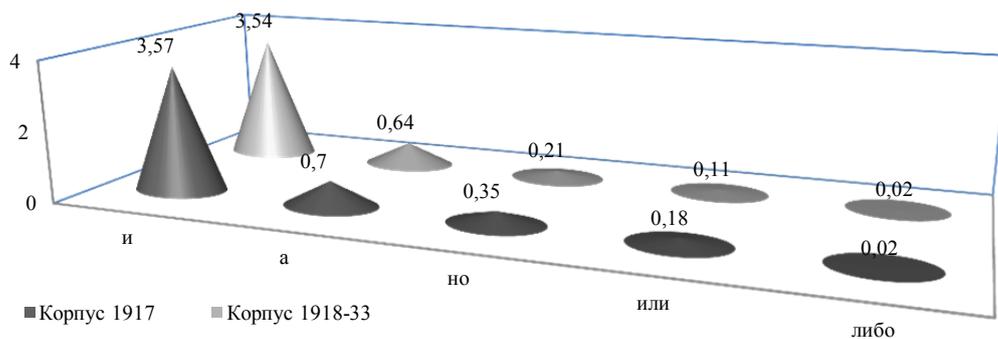
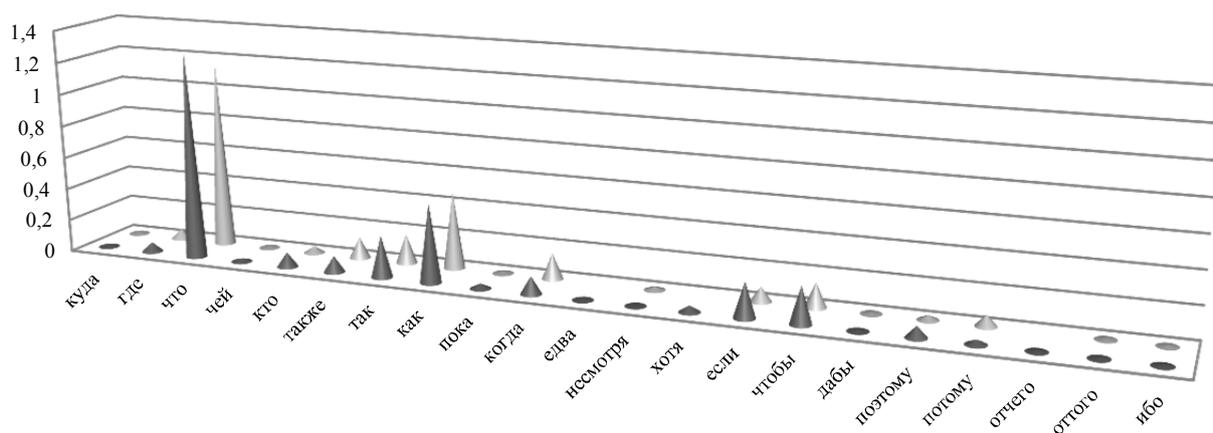

Рис. 9. Количественное распределение сочинительных союзов

	куда	где	что	чей	кто	такж е	так	как	пока	когд а	едва	несм отря	хотя	если	чтоб ы	дабы	поэт ому	пото му	отче го	отто го	ибо
■ Корпус 1917	0,01	0,06	1,29	0,02	0,09	0,1	0,26	0,49	0,03	0,11	0,01	0,005	0,04	0,22	0,23	0,01	0,07	0,03	0,01	0,01	0,01
■ Корпус 1918-33	0,01	0,06	1,16	0,01	0,04	0,13	0,18	0,47	0,01	0,16		0,02		0,09	0,15	0,01	0,03	0,07		0,01	0,01

Рис. 10. Количественное распределение подчинительных союзов и союзных слов

Представленные в корпусах союзы и союзные слова весьма разнообразны по составу и различаются количественно. Наиболее частотны изъяснительные (*что*) и сравнительные союзы (*как*). При этом тот и другой союз более частотны в Корпусе 1917. В отличие от современного официально-делового стиля условные и целевые союзы используются редко, а союзы причины и следствия единичны. Отметим те союзы, которые встречаются только в Корпусе 1917: *отчего*, *хотя*, *едва*. Таким образом, по параметру синтаксической сложности исследуемые корпуса не демонстрируют значительных различий между собой, но отличаются от параметров современного официально-делового письма.

Использование частиц

В «Русской грамматике – 80» частицы как грамматический класс характеризуются следующим образом: «В классе частиц объединяются неизменяемые незначающие (служебные) слова, которые, во-первых, участвуют в образовании морфологиче-

ских форм слов и форм предложения с разными значениями ирреальности (побудительности, сослагательности, условности, желательности); во-вторых, выражают самые разнообразные субъективно-модальные характеристики и оценки сообщения или отдельных его частей; в-третьих, участвуют в выражении цели сообщения (вопросительность), а также в выражении утверждения или отрицания; в-четвертых, характеризуют действие или состояние по его протеканию во времени, по полноте или неполноте, результативности или нерезультативности его осуществления» [39. С. 723]. Определение акцентирует внимание на базовой семантике частиц – их коммуникативном характере и функции выражения субъективной модальности. Вероятно, в этой связи современные тексты официально-делового стиля практически не содержат частиц за исключением отрицательных. Однако тексты исследуемых корпусов, как показал анализ, содержат и частицы других групп, данные по ним приведены на рис. 11.

Как можно видеть, оба корпуса содержат частицы от 1,89% (Корпус 1918-33) до 2,65% (Кор-

пус 1917) от всех словоформ, что составляет довольно высокий процент. Однако во втором корпусе количество частиц снижается, что может свидетельствовать о большем соответствии нормам официально-делового письма. Если взглянуть на качественный состав, то можно убедиться, что в текстах использованы частицы практически всех описанных в литературе групп. Частицы всех групп в большем количестве встречаются в первом корпусе.

Конечно, и в нашем случае наибольшей частотностью отличается отрицательная частица *не*, но следуют за ней по частотности модальные частицы *же* и *только*. Только в Корпусе 1917 функционируют частицы *пусть* и *ведь*, также имеющие модальный характер. В целом результаты количественного анализа позволяют заключить, что можно говорить о значительном различии в употреблении частиц в исследуемых корпусах.

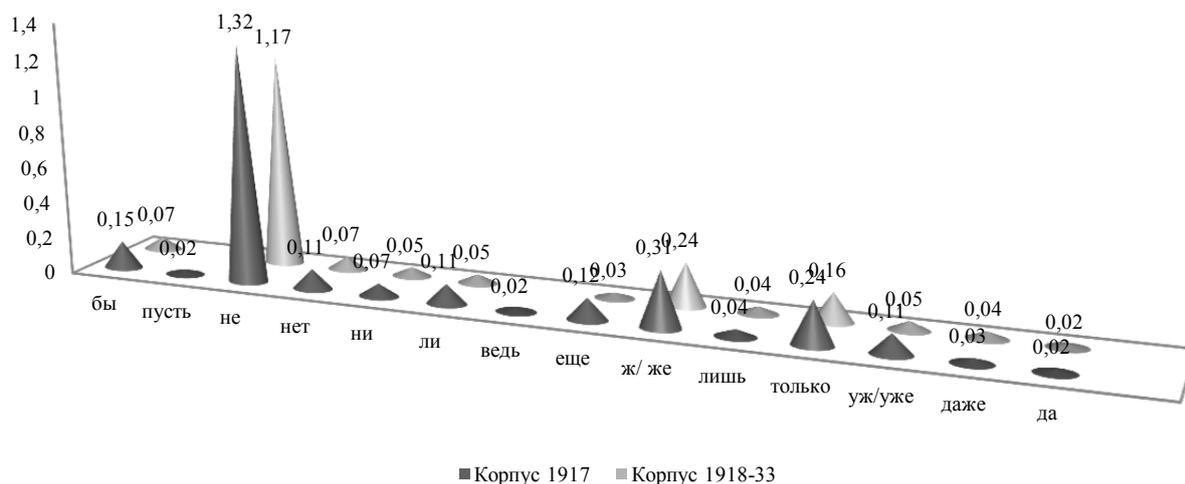

Рис. 11. Количественное распределение частиц в исследуемых корпусах

Из всего вышесказанного можно сделать следующие выводы.

1. Исследуемые корпуса значительно различаются в аспекте грамматической организации, и по некоторым параметрам Корпус 1918-33 в гораздо большей степени соответствует нормам современного официально-делового стиля, нежели Корпус 1917:

– Корпус 1917 содержит большее количество глагольной лексики. При этом именно здесь более частотно представлены личные формы глагола. Тексты Корпуса 1918-33 содержат больше безличных форм, что вполне отвечает тенденции к нивелированию семантики лица в официально-деловом тексте.

– Количественное распределение местоимений коррелирует с распределением глаголов: в первом корпусе их общее количество больше, чем во втором. При этом именно личные местоимения количественно доминируют в первом корпусе, из личных местоимений наиболее частотны местоимения 3-го лица. Полагаем, что это связано с документной спецификой протокола как жанра, но вместе с тем уменьшение количества местоимений во втором корпусе показывает следование общей тенденции. Корпусы различаются и составом местоименных лексем.

– Третий параметр, по которому различаются корпуса – модальность долженствования. Тексты Корпуса 1917 отличаются большей последовательностью и разнообразием в реализации этой семантики. Не исключено, что подобная языковая специфика определяется именно внешними социально-политическими условиями.

– Проявление субъективной модальности Корпуса 1917 выразилось в более частотном употреблении лексем такого грамматического класса, как частицы. В Корпусе 1918-33 их общее количество снижается.

2. С другой стороны, проведенный анализ позволил выявить те параметры, по которым исследуемые корпуса демонстрируют значительное сходство, причем сходство это обусловлено общезыковыми закономерностями. Поэтому указанные ниже параметры не могут считаться дискурсивно специфичными.

– Количественный анализ позволил установить, что в обоих исследуемых корпусах доминируют непроизводные исконные предлоги, наиболее частотным выступает предлог *в / во*, что соответствует общей тенденции – именно этот предлог является наиболее частотным практически для всех текстов на русском языке.

– Аналогичная ситуация складывается и с употреблением союзов: преобладают сочинительные союзы. Из подчинительных наиболее распространены изъяснительные.

Таким образом, возвращаясь к поставленной нами проблеме, можно утверждать, что, действительно, грамматическая организация протокола, относящегося к разным историческим периодам, показывает «прерывность» дискурсивного единства и исследуемые корпуса можно считать разными дискурсивными формациями. Полагаем, что «прерывность» эта обусловлена, прежде всего, изменившейся социальной реальностью, редуцировавшей проявление личного начала в документном тексте. Протоколы 1917 г. носят более детальный стенографический характер, в

них фиксируются практически дословно все обсуждения членов Томского губернского народного собрания, их дискуссии по спорным вопросам, касающимся даже порядка выступления. Протоколы 1918–33 представляют собой по преимуществу краткое изложение дела и принятое решение участниками заседания.

Вместе с тем проведенный анализ позволяет, как представляется, выдвинуть предположение о жанровой специфике протокола как документа несколько иной дискурсивной организации, отражающего не только фиксацию социально значимого события, но и коммуникативные процессы, в рамках которых она происходит. Выявленная специфика данного жанра

отвечает тенденции, отмеченной в работе О.П. Сологуб: «Как правило, ситуация оформления полуофициальных документов характеризуется незначительной временной дистанцией; при этом, оформляя текст «по горячим следам», авторы нередко находятся в возбужденном эмоциональном состоянии, что, несомненно, накладывает отпечаток на характер текста, снижая уровень его официальности» [40. С. 26]. Второе предположение, вытекающее из сделанных нами наблюдений, также соотносимо с выводами, представленными в указанной работе, и касается усиления / уменьшения степени официальности документов определенных жанров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фуко М. Археология знания / пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой; вступ. ст. А.С. Колесникова. СПб. : ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. 416 с. (Серия «Ars Riga. Французская коллекция»).
2. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса : пер. с фр. и португ. / общ. ред. и вступ. ст. П. Серю; предисл. Ю.С. Степанова. М. : Прогресс, 1999. 416 с.
3. Фасмер М.Р. Этимологический словарь русского языка. М. : Прогресс, 1964–1973.
4. Охотников А.В., Булавина Е.А. Документоведение и делопроизводство. М. : Март, 2004.
5. Кушнерук С.П. Современный документный текст: создание и исследование. М. : Либерия-Бибинформ, 2009. 192 с.
6. Орлова Н.В. Дискурсивные детерминанты порождения документного текста // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. 2013. Т. 8, № 1. С. 156–163.
7. Орлова Н.В. Доступность современного официально-делового документа: лингвопрагматические аспекты // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2014. № 3 (19). С. 184–192.
8. Орлова Н.В. Модальность и тональность современных документов с предписывающей функцией // Вестник Омского университета. 2014. № 4 (74). С. 188–193.
9. Батырева Л.П. О языке шуйских деловых документов 20–30-х XX в. (протокол одного собрания) // Ученые записки Орловского государственного университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 1. С. 52–56.
10. Харченко В.К. Язык революции в документах и материалах Петроградского военно-революционного комитета // Селищевские чтения : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 120-летию со дня рождения А.М. Селищева. Елец, 2005.
11. Черныш О.А. Отражение исторического контекста в структуре и содержании текста документа (на материале текстов протоколов 1917–1933 гг.) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 2 (191). С. 143–147.
12. Черныш О.А., Мишанкина Н.А. Лексика делового протокола в дискурсивном аспекте (на материале протоколов 1918–1933 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 434. С. 30–40. DOI: 10.17223/15617793/434/4
13. Селищев А.М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком (1917–1926). 2-е изд., стереотип. М. : УРСС, 2003. 247 с.
14. Скворцов Л.И. О языке первых лет Октября // Русская речь. 1987. № 5. С. 9–18.
15. Карцевский С.И. Язык, война и революция. Берлин : Русское универсальное издательство, 1923. 72 с.
16. Краткий словарь видов и разновидностей документов. М., 1974. 80 с.
17. Кудряев В.А. Организация работы с документами. М. : ИНФРА-М, 2003.
18. Серю П. Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса : пер. с фр. и португ. / общ. ред. и вступ. ст. П. Серю; предисл. Ю.С. Степанова. М. : Прогресс, 1999. С. 337–383.
19. Томское губернное народное собрание. Сессия. Протоколы Томского губернского народного собрания, 1-я сессия. Томск : Губернская типография, 1917. 212 с.
20. Сборники документов и материалов Государственного архива Томской области. URL: <http://gato.tomica.ru/publications/online/index.html> (дата обращения: 17.11.2017).
21. Broom L., Reese S. Political and Racial Interest: A Study in Content Analysis // The Public Opinion Quarterly. 1995. Vol. 19, № 1. P. 5–19.
22. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М. : Корона Эдиториал УРСС, 2001. С. 252–281.
23. Можаяева Г.В., Мишанкина Н.А. Контент-анализ историографического источника (к вопросу о междисциплинарности лингвистических методов) // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 294. С. 52–61.
24. Мишанкина Н.А., Зильберман Н.Н. Восточнославянские языки в рефлексии наивного носителя языка (контент-аналитическое исследование коммуникации Интернет-сообществ) // Русин. 2017. № 2 (48). С. 78–98. DOI: 10.17223/18572685/48/7
25. Федеральный образовательный портал ЭСМ: экономика, социология, менеджмент. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/35480087>.
26. Кожина М.Н., Дускаева Л.П., Салимовский В.А. Стилистика русского языка : учебник. М. : Флинта; Наука, 2016. 465 с.
27. Культура русской речи : учеб. для вузов / под ред. проф. Л.К. Граудиной и проф. Е.Н. Ширяева. М. : Издательская группа НОРМА-ИНФРА-М, 1999. 560 с.
28. Роготнева Е.Н. Документная лингвистика : сб. учеб.-метод. материалов. Томск : Изд-во Том. политехн. ун-та, 2009. 784 с.
29. Летучий А.Б. Безличность // Русская корпусная грамматика. URL: <http://rusgram.ru/Безличность> (дата обращения: 04.12.2019).
30. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) : учеб. пособие для вузов / отв. ред. А. Золотова. 3-е изд., испр. М. : Высш. шк., 1986. 640 с. URL: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=5310&0a0=20> (дата обращения: 06.12.2019).
31. Семантика местоимений // Русская корпусная грамматика. URL: http://rusgram.ru/Местоимение#sem_mest (дата обращения: 04.12.2019).
32. Падучева Е.В. Идея всеобщности в логике и в естественном языке // Вопросы языкознания. М. : Наука, 1989. № 2. С. 15–25.
33. Краснова Т.И. Квантор все в аффективном дискурсе (на материале газет русского зарубежья 1918–1921 гг.) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2014. № 2. С. 56–70.
34. Якушкина К.С. Когда «белое» «не очень черное» или «слегка черное»: квантификация действительности как одно из средств «седативной» некатегорической коммуникации (на материале испанского языка) // Древняя и новая Романия. 2016. Вып. 1 (17). С. 172–187.
35. Предикатив // Русская корпусная грамматика. URL: <http://rusgram.ru/Предикатив#25> (дата обращения: 04.12.2019).
36. Кобозева И.М., Лауфер Н.И. Семантика модальных предикатов долженствования // Логический анализ языка: культурные концепты. М., 1991. С. 169–175.
37. Данг Ким Тьен. Способы выражения долженствования в современном русском языке : дис. ... канд. филол. наук. М., 1994. 158 с. URL: <http://cheloveknauka.com/sposoby-vyrazheniya-dolzhenstvovaniya-v-sovremennom-russkom-yazyke#ixzz5DC61AuN8>
38. Апресян В.Ю., Пекелис О.Е. Союзы // Русская корпусная грамматика. URL: <http://rusgram.ru/Союз> (дата обращения: 04.12.2019).

39. Русская грамматика / ред. Н.Ю. Шведова. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1980. 789 с.
40. Сологуб О.П. Современный русский официально-деловой текст: функционально-генетический аспект: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2009. 46 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 13 марта 2020 г.

The Grammatical Organization of the Record: A Discursive Aspect (Based on Records of 1917 and 1918–1933 of the State Archive of Tomsk Oblast)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 453, 29–40.

DOI: 10.17223/15617793/453/4

Natalia A. Mishankina, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mna@tpu.ru

Olga A. Chernysh, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: chernyshoa@tpu.ru

Keywords: document discourse; record; “discontinuity”; discursive parameters; content analysis; grammatical organization; Tomsk Governorate.

The aim of the article is to identify quantitative characteristics of the grammatical organization of the text of the record in the aspect of the “discontinuity” of a discursive unity due to a change in social reality in the period from 1917 to 1933. Methodologically, the research is based on Michel Foucault’s thesis on the “discontinuity” of discursive formations within a discursive unity. Preserving the unity of the basic function and transforming in the aspect of language specificity, document discourse allows us to argue this thesis. The discursive approach makes it possible to reflect on the repercussions of social processes in the document corpus in a new way. Despite the function of fixing the sequence of real social events and their documentary proof, the record is scarcely investigated in this aspect. The leading methodological approach is discourse analysis; the main method is automated content analysis. The material for analysis is the corpus of the records of Tomsk Governorate People’s Assembly dated by 1917 (25 documents, 91,686 word usages) and the records of Tomsk institutions’ meetings dated from 1918 to 1933 (126 documents, 41,630 word usages). In the course of the study, it was revealed that the corpora have significant differences in terms of grammatical organization. In some ways, the corpus of 1918–1933 corresponds to a greater extent to the norms of modern official style: it contains fewer verbal lexis and pronouns, but has more impersonal verbs. At the same time, in the corpus of 1917, the modality of duty is expressed more consistently. On the one hand, one can speak about the greater manifestation of various modalities in the texts of the first corpus that is expressed in a more frequent use of modal particles. On the other hand, the analysis identified the parameters by which the corpora demonstrate a significant similarity. This similarity is based on common language patterns. Non-derivative original prepositions dominate in both corpora. The most frequent are prepositions *v/vo*. Coordinating conjunctions are used more often than subordinating ones. This corresponds to the general common language trends. Consequently, it can be confirmed that the grammatical organization of the records dated by different historical periods demonstrates the “discontinuity” of the discursive unity and the corpora study can be considered as different discursive formations. First of all, this “discontinuity” is caused by the changed social reality which reduced the manifestation of the personal element in the document text. The records dated by 1917 have a more detailed stenographic character. The texts record practically verbatim all discussions of members of Tomsk Governorate People’s Assembly, their discussions on controversial issues concerning even the speaking order. The records dated by 1918–1933 are predominantly summaries of cases and decisions made by participants of meetings.

REFERENCES

1. Foucault, M. (2004) *Arkheologiya znaniya* [Archeology of Knowledge]. Translated from French by M.B. Rakova, A.Yu. Serebryannikova. St. Petersburg: ITs “Gumanitarnaya Akademiya”; Universitetskaya kniga.
2. Seriot, P. (ed.) (1999a) *Kvadratura smysla: Frantsuzskaya shkola analiza diskursa* [The Quadrature of Meaning: The French School of Discourse Analysis]. Translated from French and Portuguese. Moscow: Progress.
3. Vasmer, M.R. (1964–1973) *Etimologicheskii slovar’ russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Translated from German by O.N. Trubachev. Moscow: Progress.
4. Okhotnikov, A.V. & Bulavina, E.A. (2004) *Dokumentovedenie i deloproizvodstvo* [Document Science and Records Management]. Moscow: Mart.
5. Kushneruk, S.P. (2009) *Sovremennyy dokumentnyy tekst: sozdanie i issledovanie* [Modern Document Text: Creation and Research]. Moscow: Libereya-Bibinform.
6. Orlova, N.V. (2013) Diskursivnye determinanty porozhdeniya dokumentnogo teksta [Discursive Determinants of the Generation of a Document Text]. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty izucheniya rechevoy deyatel’nosti*. 8 (1). pp. 156–163.
7. Orlova, N.V. (2014) Accessibility of a Contemporary Official Document: Linguopragmatic Aspects. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 3 (19). pp. 184–192. (In Russian). DOI: 10.15293/2226-3365.1403.19
8. Orlova, N.V. (2014) Modality and Tonality of Contemporary Documents With Prescriptive Function. *Vestnik Omskogo universiteta – Herald of Omsk University*. 4 (74). pp. 188–193. (In Russian).
9. Batyreva, L.P. (2008) O yazyke shuyskikh delovykh dokumentov 20–30-kh XX v. (protokol odnogo sobraniya) [On the Language of Shui Business Documents of the 1920s–1930s (Protocol of One Meeting)]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta – Scientific Notes of Orel State University*. 1. pp. 52–56.
10. Kharchenko, V.K. (2005) [The Language of Revolution in the Documents and Materials of the Petrograd Military Revolutionary Committee]. *Selishchevskie chteniya* [Selishchev Readings]. Proceedings of the International Conference. Yelets: Yelets State University. (In Russian).
11. Chernysh, O.A. (2018) Reflection of the Historical Context in the Structure and Content of the Text of the Document (On the Basis of the Records Dated by 1917–1933). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2 (191). pp. 143–147. (In Russian). DOI: 10.23951/1609-624X-2018-2-143-147
12. Chernysh, O.A. & Mishankina, N.A. (2018) Lexical Organization of the Record in a Discursive Aspect (On the Basis of Records Dated by 1918–1933). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 434. (In Russian). pp. 30–40. DOI: 10.17223/15617793/434/4
13. Selishchev, A.M. (2003) *Yazyk revolyutsionnoy epokhi. Iz nablyudeniy nad russkim yazykom (1917–1926)* [The Language of the Revolutionary Era. From Observations of the Russian Language (1917–1926)]. 2nd ed. Moscow: URSS.
14. Skvortsov, L.I. (1987) O yazyke pervykh let Oktyabrya [On the Language of the First Years of October]. *Russkaya rech’*. 5. pp. 9–18.
15. Kartsevskiy, S.I. (1923) *Yazyk, vojna i revolyutsiya* [Language, War and Revolution]. Berlin: Russkoe universal’noe izdatel’sтво.

16. Malitikov, A.S. (ed.) (1974) *Kratkiy slovar' vidov i raznovidnostey dokumentov* [A Concise Dictionary of Types and Varieties of Documents]. Moscow: VNIIDAD.
17. Kudryaev, V.A. (2003) *Organizatsiya raboty s dokumentami* [Organization of Work With Documents]. Moscow: INFRA-M.
18. Seriot, P. (1999b) *Russkiy yazyk i analiz sovetskogo politicheskogo diskursa: analiz nominalizatsiy* [Russian Language and Analysis of Soviet Political Discourse: Analysis of Nominalizations]. Translated from French. Seriot, P. (ed.) (1999) *Kvadratura smysla: Frantsuzskaya shkola analiza diskursa* [The Quadrature of Meaning: The French School of Discourse Analysis]. Translated from French and Portuguese. Moscow: Progress. pp. 337–383.
19. Tomsk Governorate People's Assembly. (1917) *Tomskoe gubernskoe narodnoe sobranie. Sessiya. Protokoly Tomskogo gubernskogo narodnogo sobraniya, 1-ya sessiya* [Tomsk Governorate People's Assembly. Session. Protocols of the Tomsk Governorate People's Assembly, 1st Session]. Tomsk: Gubernskaya tipografiya.
20. State Archive of Tomsk Oblast. (n.d.) *Sborniki dokumentov i materialov Gosudarstvennogo arkhiva Tomskoy oblasti* [Collections of Documents and Materials of the State Archive of Tomsk Oblast]. [Online] Available from: <http://gato.tomica.ru/publications/online/index.html>. (Accessed: 17.11.2017).
21. Broom, L. & Reece, S. (1995) Political and Racial Interest: A Study in Content Analysis. *The Public Opinion Quarterly*. 19 (1). pp. 5–19.
22. Baranov, A.N. (2001) *Vvedenie v prikladnyuyu lingvistiku* [Introduction to Applied Linguistics]. Moscow: Korona Editorial URSS. pp. 252–281.
23. Mozhaeva, G.V. & Mishankina, N.A. (2007) Kontent-analiz istoriograficheskogo istochnika (k voprosu o mezhdistsiplinarnosti lingvisticheskikh metodov) [Content Analysis of a Historiographic Source (On the Issue of Interdisciplinarity of Linguistic Methods)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 294. pp. 52–61.
24. Mishankina, N.A. & Zil'berman, N.N. (2017) East Slavic Languages in the Reflection of a Naive Native Speaker (Content-Analytical Study of the Social Networks Communication). *Rusin*. 2 (48). pp. 78–98. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/48/7
25. *ESM: Economics, Sociology, Management. Federal Educational Portal*. [Online] Available from: <http://ecsocman.hse.ru/text/35480087>.
26. Kozhina, M.N., Duskaeva, L.R. & Salimovskiy, V.A. (2016) *Stilistika russkogo yazyka* [Russian Stylistics]. Moscow: Flinta; Nauka.
27. Graudina, L.K. & Shiryaev, E.N. (eds) (1999) *Kul'tura russkoy rechi* [The Culture of Russian Speech] Moscow: Izdatel'skaya gruppa NORMA-INFRA-M.
28. Rogotneva, E.N. (2009) *Dokumentnaya lingvistika: sb. ucheb.-metod. materialov* [Document Linguistics: Study Materials]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University.
29. Letuchiy, A.B. (2011) *Bezlichnost'* [Russian Language (Grammar Doctrine of the Word)]. [Online] Available from: <http://rusgram.ru/Безличность> (Accessed: 04.12.2019).
30. Vinogradov, V.V. (1986) *Russkiy yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian Language (Grammar Doctrine of the Word)]. 3rd ed. Moscow: Vyssh. shk. [Online] Available from: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=5310&0a0=20>. (Accessed: 06.12.2019).
31. Russkaya korpurnaya grammatika. (n.d.) *Semantika mestoimeny* [Semantics of Pronouns]. [Online] Available from: http://rusgram.ru/Местоимение#sem_mest (Accessed: 04.12.2019).
32. Paducheva, E.V. (1989) Ideya vseobshchnosti v logike i v estestvennom yazyke [Idea of Universality in Logic and in Natural Language]. *Vo-prosy yazykoznaneya*. 2. pp. 15–25.
33. Krasnova, T.I. (2014) Quanter “All” in Affective Discourse (Based on the Material of Newspapers of the Russian Diaspora, 1918–1921). *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury – Izvestia Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture*. 2. pp. 56–70. (In Russian).
34. Yakushkina, K.S. (2016) When “White” Is “Not Quite Black” or “a Little Bit Black”: Quantification of the Reality as a Means of “Sedative” Non-Categorical Communication (As Exemplified in the Spanish Language). *Drevnyaya i novaya Romaniya*. 1 (17). pp. 172–187. (In Russian).
35. Letuchiy, A.B. (2017) Predikativ [Predicative Expression]. [Online] Available from: <http://rusgram.ru/Предикатив#25> (Accessed: 04.12.2019).
36. Kobozeva, I.M. & Laufer, N.I. (1991) Semantika modal'nykh predikatov dolzhenstvovaniya [Semantics of Modal Predicates of Obligation]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Logicheskiy analiz yazyka: kul'turnye kontsepty* [Logical Analysis of Language: Cultural Concepts]. Moscow: Nauka. pp. 169–175.
37. Dang Kim Tien (1994) *Sposoby vyrazheniya dolzhenstvovaniya v sovremennom russkom yazyke* [Ways to Express Obligation in Modern Russian]. Philology Cand. Diss. Moscow. [Online] Available from: <http://cheloveknauka.com/sposoby-vyrazheniya-dolzhenstvovaniya-v-sovremennom-russkomyazyke#ixzz5DC61AuN8>.
38. Apresyan, V.Yu. & Pekelis, O.E. (2011) *Soyuz* [Conjunction]. [Online] Available from: <http://rusgram.ru/Союз> (Accessed: 04.12.2019).
39. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
40. Sologub, O.P. (2009) *Sovremennyy russkiy ofitsial'no-delovoy tekst: funktsional'no-geneticheskiy aspekt* [Modern Russian Official Business Text: Functional-Genetic Aspect]. Abstract of Philology Dr. Diss. Kemerovo.

Received: 13 March 2020